

УДК 81'37

ЛОКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. М. Дементьянова, Н. Б. Лебедева

LOCATIVE CONSTRUCTIONS IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

A. M. Dementyanova, N. B. Lebedeva

Публикация выполнена при поддержке РГНФ (проект 12-14-42001а).

В статье рассматривается семантическая структура локативных конструкций в древнерусском языке с помощью методики полиситуативного анализа. Выявляется количество и характер ситуаций, входящих в состав полиситуативного комплекса древнерусских глагольных сочетаний со значением пространства. Делается вывод о специфике семантической организации синтаксических локативных конструкций.

The article covers the semantic structure of locative constructions in the Old Russian language with the technique of polisituational analysis. The authors analyze the number and nature of the situations that are part of a complex of ancient polisituational verb combinations with space meaning. The specifics of the semantic organization of locative syntax constructions is outlined.

Ключевые слова: полиситуативность, ситуатема, имплицитные смыслы.

Keywords: polisituational, situateme, implicit meanings.

Цель настоящей статьи – проследить изменение семантической структуры локативных конструкций в древнерусском языке. Для достижения поставленной цели нами будут выявлены особенности глубинной организации таких конструкций в древнерусском языке путем представления их как полипропозиционной структуры. В качестве гипотезы данного исследования выступает положение о том, что в древнерусском языке синтаксические конструкции с пространственным значением имели более сложную семантическую организацию, включающую большее количество имплицатур (этот термин будет определен далее), т. е. произошло уменьшение полиситуативности локативного глагола. Единицей анализа являются локативные ситуации, выраженные глагольным словосочетанием, то есть синтаксические конструкции, представленные глаголом со своими «сателлитами» [15]. Под «сателлитами» понимаются зависимые слова, которые уточняют значение глагола, указывают на имплицитные, а также привносят свои смыслы, т. к. имеют собственные независимые от контекста значения.

Категория полиситуативности рассматривается нами в качестве «универсальной, глобальной категории, охватывающей не только лексику, но и грамматику, а лексику не только признаковую, но и предметную» [11, с. 3]. Язык, являясь средством передачи мысли, выполняет функцию «упаковки» знаний о мире. Стремясь отразить сложность устройства мира, язык может быть представлен как полиситуативное пространство. С полиситуативным фрагментом действительности соотносится прежде всего глагол в силу метонимической природы его семантики, поскольку «именно метонимические переходы и метонимические трансформации лежат в основе номинации глаголом целой ситуации» [9, с. 89].

В качестве основной операционной единицы исследования мы берем ситуатему – «особую структуру, состоящую из комплекса ситуаций, имеющих статус как конвенциональных, так и имплицитных элементов плана содержания глагольной единицы» [11, с. 32].

Ситуатема является нелимитируемой единицей плана содержания. Понятие имплицитных компонентов, скрытых смыслов (пресуппозиций, следствий, фоновых компонентов) является определяющим для данного исследования. План содержания лексем, синтаксических конструкций может быть представлен как полиситуативный комплекс, отражающий передачу смены одних состояний, ситуаций другими, так как несет информацию и о первых, и о вторых [11], поскольку происходящее делится на отдельные события. По мнению Н. Д. Арутюновой, «умножение событий» происходит не только в результате распределения по разным жизненным сферам, но также вследствие выполнения в одной сфере разных функций или отнесенности к разным аспектам происходящего. Осуществляя одну и ту же акцию, можно быть участником разных событий» [2, с. 174].

Обратимся к понятию имплицитных смыслов (имплицатур). Е. В. Падучева определяла имплицатуры как «неассертивные семантические компоненты предложения», синтаксической конструкции или лексемы [12, с. 236]. Имплицитные делятся на семантические и коммуникативные имплицатуры (прагматические, имплицатуры дискурса). Семантические имплицитные конвенциональны, входят в значение слов данного языка, в собственно смысл предложения и оказываются сильнее контекста. Коммуникативные же имплицитные – менее стабильные семантические компоненты высказывания, которые не входят в значение слов данного языка, а вытекают из общих постулатов коммуникации, поскольку не вся информация, что слушатель извлекает для себя в том или ином высказывании в контексте речевого акта, входит в собственно смысл предложения. Некоторые компоненты содержания не заложены в структуре предложения, а вычитываются слушателем в высказывании исходя из контекста [12]. Имплицитные смыслы, вытекающие из контекста, будут нами учитываться при проведении анализа конструкций с пространственным значением для того, чтобы вскрыть количество и соотношение пропозиций, входящих в структуру полиси-

туативного комплекса древнерусских этих конструкций.

Рассмотрение глубинной семантической структуры пространственных конструкций проводится с помощью метода полиситуативного анализа, заключающегося в «разбиении анализируемого фрагмента действительности на ситуации, а тех – на более мелкие ситуации» [11, с. 14]. В рамках данного исследования применяется методический прием исследовательской интуиции, поскольку, мощным «источником знаний о языке является интуиция, интроспекция, открывающая нам добытые путем бессознательной индукции обобщения» [18, с. 19]. А. Вежицкая также обосновывала и использовала прием внутренней интроспекции, так как при следовании интуиция и индукция действуют вместе [5].

Источником материала являются памятники древнерусской письменности XI – XVII веков, в частности: «Повесть временных лет» (ПВЛ), «Сказание о Борисе и Глебе» (СБГ), «Моление Даниила Заточника» (МДЗ), «Повесть о разорении Рязани Батыем» (ПРРБ) и «Житие Сергия Радонежского» (ЖСР). Выбор материала обусловлен интересом к восприятию мира древними славянами, с одной стороны, и отсутствием научных работ с применением методики полиситуативного анализа для описания локативных значений на материале древнерусского языка – с другой.

Методика полиситуативного анализа, с помощью которой далее будет рассмотрен эмпирический материал, и представляет собой типологию полиситуативности, содержащую следующие параметры:

1. Отношение к временной оси, а именно – таксисные отношения внутри полиситуативного комплекса: соотносительность ситуаций во временном плане, «признак зависимой ориентированности действия во времени» [1, с. 72]. С этой точки зрения, полипропозитивные структуры распадаются на два класса: следования (ретроспективные – обнаруживаются тогда, когда дополнительная ситуация, повторное действие, дополнительное действие предшествует основной, – и проспективные ситуатемы – при следовании дополнительной ситуации после основной) и одновременно-сти.

2. Способ семантической «упаковки» полиситуативности представляет собой информацию о том, являются ли отдельные ситуации равноправными или имеется обобщение более мелких ситуаций, однородных и гетерогенных, а также тип соотношения этих ситуаций. Так, ситуации одного уровня могут «упаковывать» несколько ситуаций более глубинного уровня. Кроме того, к способу «упаковки» ситуаций относится коммуникативный статус микроситуаций (ассерции, пресуппозиции, имплицитур, сильные, слабые фоновые компоненты, субъективно-модальные смыслы, объективно-модальные смыслы и т. д.). При этом внутри ассертивной ситуации также выделяются центральные, ядерные и периферийные зоны.

3. Способ формальной упаковки полиситуативности. На собственно языковом уровне представленность предикативного полиситуативного денотата может различаться формальной выраженностью, а именно лексическим, морфемным, грамматическим, синтаксическим, комбинированным способами.

Анализ с учетом трех вышеперечисленных параметров позволит представить семантическую структуру локативного глагола в виде ситуатемы, раскрывающей количество и характер пропозиций, включенных в значение глагола и обосновать выдвинутую нами гипотезу. Ситуатема позволяет рассматривать динамический фрагмент действительности в трех масштабах: лексикализованной ситуации, микроситуации и макроситуации. Лексикализованный масштаб «включает рассмотрение того объема экстралингвистической реальности, который попал... в коммуникативный фокус» [11, с. 62]. Микромасштаб включает микроситуации, из которых состоит денотативная структура лексикализованной ситуации, в макромасштаб попадают перечисленные ситуации и разные смежные с лексикализованной ситуацией, многие из которых имплицитны [11].

Перейдем к анализу фрагментов текстов, содержащих локативные конструкции. Возьмем для анализа синтаксическую конструкцию: *«И егда людие придоша близ монастыря»* [ЖСР] (*И тогда люди пришли и стали жить близ монастыря*).

Первая ситуация выделяется на лексикализованном уровне – это эксплицитная (выраженная глаголом перемещения *придоша*) локативная ситуация: «субъекты преодолели расстояние, то есть переместились из одного пространства в другое».

Вторая и третья ситуации выделяются на макроуровне. Вторая ситуация – «остались в новом пространстве» – имплицитная, проспективная, метонимически связанная с первой (частично выражена префиксом *при-*, т. е. достигли результата, частично – словосочетанием *близ монастыря*, но в основном – широким контекстом – для того, чтобы получить исцеление, приобщиться к благодати святого, необходимо определенное оставаться при монастыре).

Третья ситуация – назовем ее «ситуацией жизни и жизнедеятельности» – также имплицитная, метонимически связанная со второй и также выделяется на макроуровне. Но в рамках этой ситуации мы спускаемся на микроуровень, поскольку она включает неопределенное множество имплицитных, метонимически связанных друг с другом и с ситуацией макроуровня (жизни и жизнедеятельности) ситуаций.

Имплицитные ситуации микроуровня выделяются тогда, когда взгляд исследователя как под микроскопом рассматривает наполнение обобщенной ситуации, включающей множество более мелких гетерогенных (неоднородных) микроситуаций. В нашем случае – это ситуации коммуникации, добывания воды, приготовления пищи, молитвы, сна и т. д.; так как люди живут на территории монастыря продолжительное время, значит они взаимодействуют с другими предметами и лицами, с самим локусом, таким образом, ситуация жизнедеятельности обобщает неопределенное множество микроситуаций. Заметим, потенциально исследователь всегда может спуститься на этот уровень микроситуаций в зависимости от своих целей, поскольку почти все глаголы (кроме самых семантически выхолощенных типа глаголов отношений, бытийных и связочных) имеют эту семантическую перспективу. В данном исследовании мы рассматриваем микроуровень для того, чтобы подчеркнуть глубину

полиситуативного комплекса древнерусских локативных глагольных конструкций.

Четвертая ситуация бытийности-существования субъектов и объектов, о которых говорится в данной фразе (а именно о людях, пришедших к монастырю, и самого монастыря), находится в ретроспективной, пресуппозитивной зоне.

В целом описываемая ситуатема относится к проспективному, так как, кроме второй и третьей событийных пропозиций, она имеет еще пропозиции, квалифицируемые нами как дополнительные и следующие за основной и обусловленные фациентом (фактообразующим компонентом ситуации) цели. Они находятся в проспективной зоне структуры ситуатемы, поскольку люди приходили в монастырь и оставались неопределенное количество времени на территории монастыря для того, чтобы преподобный Сергей исцелил их, помог советом или чтобы просто увидеть его и тем самым получить смысл своего существования.

Таким образом, локативная конструкция «*И егда людие придоша близъ монастыря*» в древнерусском тексте, кроме пропозиции «пришли», как в современном русском тексте, содержит имплицитные пропозиции «остались и стали жить», включающие и другие, метонимически связанные с ними, пропозиции. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в древнерусском языке глагол «придоша» в сочетании с предлогом «близ» имеет в своей семантической структуре такой набор пропозиций, который в современном языке распределяется на два предиката. Необходимо также отметить, что в современном русском языке сочетание «прийти близ/близко» невозможно, так как префикс глагола указывает на приближение к какой-либо четкой границе (ср. «прийти к», «прийти в»), а предлог «близ/близко» обозначает неопределенность границ объекта, их расширение.

Для построения структуры ситуатемы необходимо учитывать тип полиситуативности. Типы представленности полиситуативности выделяются на ос-

нове сочетания трех параметров анализа, которые были нами перечислены ранее. Выделяется четыре типа представленности полиситуативности: конситуативность, длительность, сегментированность и квантификация. Рассматриваемая ситуатема «*И егда людие придоша близъ монастыря*» реализуется по принципу конситуативности, которая выявляется в содержательной структуре, соотносимой с лексемой или синтаксемой и предстает перед нами в случаях, когда «семантика высказывания дает нам знание не только о ситуации, непосредственно ею описываемой, но и некоторых других, тем или иным образом сопутствующих» [8, с. 80]. Конситуативность, в свою очередь, может быть последовательной (в случае, когда на хронологической оси ситуации следуют друг за другом) и параллельной (если ситуации существуют одновременно). В анализируемой ситуатеме пропозиции расположены последовательно на временной оси: сначала пришли к монастырю, затем стали там жить — перед нами последовательная конситуативность. Однако, если говорить о глубине полиситуативного комплекса, следует отметить, что ситуация жизнедеятельности отдельно представляет собой квантификативную полиситуативность. Квантификация является еще одним способом представленности ситуатемы и встречается тогда, когда лексема или синтаксема передает обобщенную ситуацию, которая состоит из более простых. В эту группу могут включаться действия, вознесенные над осью времени, например, глаголы «качества, свойства (привычки, умения, род занятий)» [4, с. 84].

Изобразим в виде схемы результаты проведенного анализа.

На этой схеме: субъект (С), локус (Л), объект (О), лексикализованная ситуация (Л-ситуация), микроситуация (м-ситуация), макроситуация (М-ситуация), проспективная ситуация (проспект-ситуация). Аналогичные обозначения используются в дальнейших схемах.

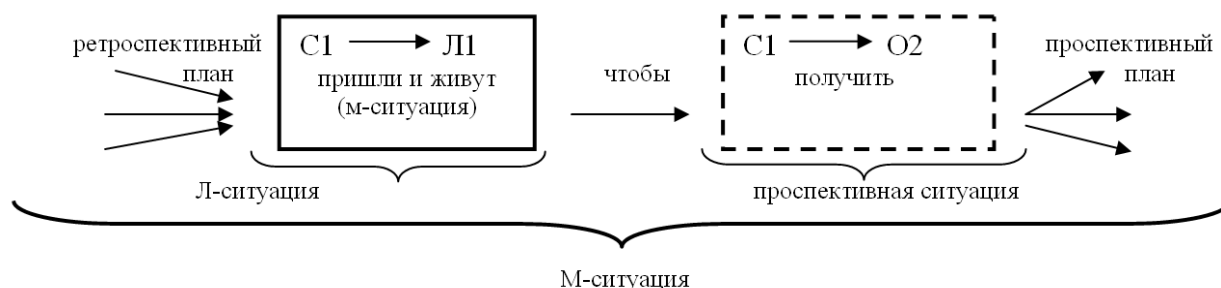

Схема 1. Структура проспективно направленной ситуатемы «*И егда людие придоша близъ монастыря*»

Обратимся к другому примеру: «*Потом же приидишем воем от востока <...> обидоша русь около*» [ПВЛ] (Затем воины, пришедшие с востока <...> окружили Русь). В этом фрагменте для данного исследования представляет интерес локативная конструкция «обидоша русь около».

Первой ситуацией на лексикализованном уровне является локативная ситуация — «распределились, ос-

тавливались вокруг захватываемой территории». Эта ситуация является эксплицитной (внешне она выражена префиксом *об-*, т. е. воины окружили территорию, предлогом *около*, а также контекстом: осадить — значит окружить и зафиксировать свое местоположение).

Вторая ситуация «жизни и жизнедеятельности» выделяется на макроуровне и является имплицитной,

метонимически связанной с первой локативной ситуацией. В рамках этой ситуации вскрывается микроуровень: она объединяет множество гетерогенных ситуаций, таких, как общение, приготовление пищи, сон, болезнь, ведение переговоров, военные действия и т. д.

Относительно приведенного примера необходимо обратить внимание на следующую особенность структуры ситуатемы: поскольку осада города – это двусторонний, двусубъектный процесс, обозначающий не только «обложение укрепленного места неприятельскими военными силами», но и «защиту укрепленного места от нападения или от осады» [19, с. 712]. Поэтому в имплицативную зону рассматриваемого полиситуативного комплекса входит также ситуация жизнедеятельности (представленная гетерогенными микроситуациями) русских людей, вынужденных защищаться.

Также в макромасштабе выделяется две ретроспективные имплицитные ситуации: бытийная (воины и Русь есть, существуют), которая находится в пресуппозитивной зоне содержательной структуры любого глагола, обозначающего действие, состояние или отношение, и локативная ситуация: «воины переместились из одного пространства в другое» (выражена глаголом *обидоша*).

Отметим, что рассматриваемая ситуатема является одновременно ретроспективно и проспективно направленной, поскольку в структуре этой ситуатемы выделяются две дополнительные ситуации. Первая находится в проспективной зоне и обусловлена фациентом цели (осада городов, определенно, имеет перспективу, события, направленные в будущее: воины хотят поработить русский народ, завоевать территории, богатства и т. д.). Вторая дополнительная ситуация находится в ретроспективной зоне и обусловлена фациентом условия. Ситуатема является ретроспективно направленной, если «следы былого» актуальны для ассертивных компонентов [11, с. 64], так, осада четкого плана, военного приказа, долгих сборов и подготовки.

Анализируемый полиситуативный комплекс представляет собой такой способ «упаковки» полиситуативного фрагмента, как длительность, так как осада города – это однородный процесс, включающий беспрерывную смену ситуаций. Е. В. Падучева отмечает, что «процесс, предельный или непредельный есть последовательность фаз, которые все могут в принципе называться тем же глаголом, что и процесс в целом» [12, с. 16]. Эти «кусочки глагольной действительности» [3, с. 234 – 242] можно оценивать как микроситуации, они «имеют пофазное существование, т. е. в каждый момент времени возникает следующая фаза существования состояния, но она абсолютно идентична предыдущей и не требует энергии для своего возникновения» [13, с. 126].

В современном русском языке отсутствует форма глагола «обойти» в значении «встать вокруг; расположившись вокруг, остановиться». В древнерусском языке глагол «обойти» может представлять собой комплекс сем движения и состояния, а не только движения, что выявляется из контекста. Таким образом, в современном языке глагол «обойти» обозначает по-

следовательное перемещение из одного пространства в другое (обойти все музеи) или перемещения вокруг объекта, но он не содержит значения стательности: в современном русском языке мы говорим «обойти и встать вокруг», то есть добавляется стательный глагол. Как пишет Л. В. Табаченко, «в истории языка исчезли приставочные глаголы со значением стательности (положения в пространстве относительно поверхности) <...> Первичным значением приставок являются пространственные. В современном русском языке пространственные приставки не могут соединяться с глаголами состояния, поскольку у префиксов в славянских языках развилось значение предельности, которое несовместимо со стательной семантикой основы» [16, с. 178]. Характеризуя специфику денотатов стательных глаголов, исследователи указывают, что «в процессе пребывания в таком состоянии ничто не возникает, ничто не изменяется, не перемещается, только время течет мимо этого состояния, указывая его продолжительность» [7, с. 75]. Как видно из примера, в древнерусском языке существовали словообразовательные типы, включающие пространственные приставки и основы позиционных глаголов, только противоречие между предельностью приставки и стательностью основы стало причиной исчезновения этих словообразовательных типов, как указывает Л. В. Табаченко.

Представим схему описанной ситуатемы (схема 2).

Рассмотрим следующую локативную конструкцию: «*Изяславу тогда сущю... Новугороду*» [ПВЛ] (*Изяслав тогда княжил в Новгороде*). На лексикализованном уровне первой ситуацией является локативная ситуация – Изяслав физически находится на территории Новгорода – формально выраженная глаголом *сущю*.

Второй ситуацией на лексикализованном уровне является ситуация «жизни и жизнедеятельности» (также выраженная глаголом *сущю*) является метонимически связанной с локативной ситуацией (Изяслав находится в Новгороде долго, а значит там живет).

Третьей ситуацией на этом уровне является посессивная и властная ситуация. Поскольку Изяслав – князь, значит, он приобретает права на место, в котором живет, и предметы: чем выше социальный статус и активность лица (князь), тем на большее количество и размер объектов (вплоть до всего города) он приобретает владельческие права. Вторая и третья ситуации углубляются до микроуровня.

В макромасштабе в имплицативной зоне пресуппозитивной ситуацией является ситуация бытийности (Изяслав есть, существует).

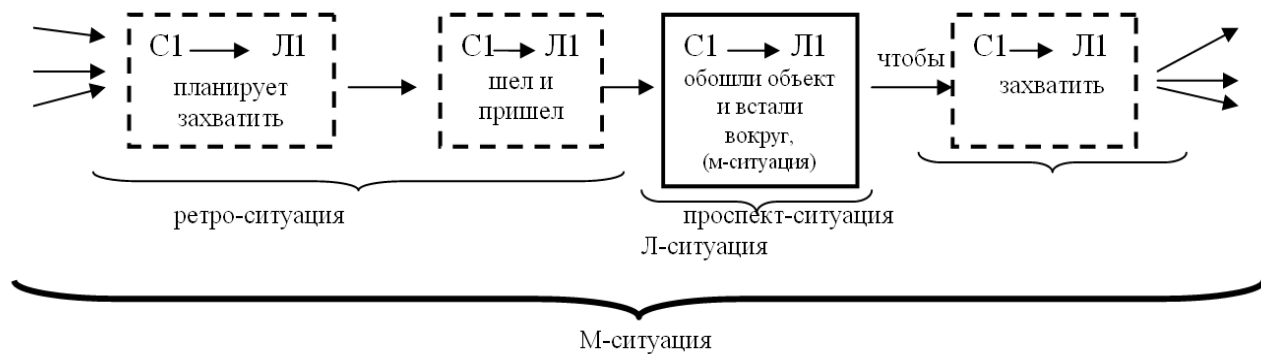

Схема 2. Структура ретро- и перспективно направленной ситуатемы «Потом же приедем воем от востока <...> обидоша русь около»

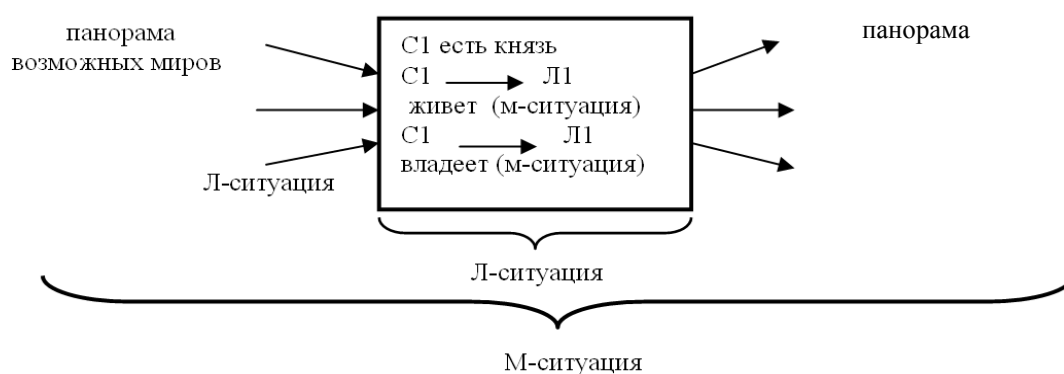

Схема 3. Структура интраспективно направленной ситуатемы «Изяславу тогда сущю <...> Новугороду»

Данная ситуатема является интраспективно направленной (так как коммуникативный фокус концентрируется в ассертивном элементе и дополнительные смыслы неопределенны [11]) и представляет собой конситуативно представленный полиситуативный комплекс, все ситуации существуют и воспринимаются читателем одновременно. В современном русском языке глагол «быть» в значении «править» даже в контексте с правящим субъектом не употребляется, отсутствует посессивная пропозиция.

Схематически проанализированную ситуатему можно представить следующим образом (схема 3).

Подводя итоги, отметим, что нами рассмотрены языковые случаи в древнерусском языке, при переводе которых на современный язык добавляется еще один предикат или заменяется на слово, обладающее меньшим набором пропозиций в своей глубинной структуре. Общее развитие русского языка имеет тенденцию к усилению аналитизма. Более древнее состояние языков (не только русского, но и других) в письменной форме существования имеет вектор развития «от синкретизма к аналитизму».

Проведенный полипропозиционный анализ показал, что в древнерусском языке локативный глагол был

более емким, включал большее число пропозиций, причиной этого явилось то, что становление словообразовательно-видовой (аспектуальной) системы в древнерусском языке не было завершено. К статальным глаголам еще могли присоединяться префиксы со значением предельности: «эти словообразовательные типы были возможны до развития у приставок значений предельности и результативности, но с появлением у префиксов этой семантики стали непродуктивными, так как возникало противоречие между статальностью основы и совмещением пространственности и предельности в приставке, поскольку глаголы состояния обозначают действие, которое никуда не распространяется» [17, с. 302]. Наличие таких словообразовательных типов было почвой для пропозиционного насыщения: одна лексема могла заключать несколько разных и, с точки зрения современного языка, иногда противоречащих друг другу значений. В синкретизме семантики проявляется нерасчлененность мировосприятия. Вскрыть это помогла методика полиситуативного анализа, предполагающая раскрытие содержания локативных конструкций на разных уровнях: микроситуаций, макроситуаций и на лексикализованном уровне.

Литература

1. Акимов, Т. Г. Семантические признаки в сфере качественной аспектuality и функционирование видо-временных форм английского глагола / Т. Г. Акимов // Теория грамматического значения и аспектологические исследования / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984.

2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
3. Бондарко, А. В. Общая характеристика и структура поля таксиса / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987.
4. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в современном русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
5. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая / под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I – XII. – 780 с.
6. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 367 – 395.
7. Грубор, Д. Из книги «Видовые значения» / Д. Грубор // Вопросы глагольного вида. – М.: Иностранная литература, 1962.
8. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 311 с.
9. Кубрякова, Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992.
10. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
11. Лебедева, Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики / Н. Б. Лебедева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 192 с.
12. Падучева, Е. В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
13. Селиверстова, О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка / О. Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
14. Семантические вопросы словообразования. Производящее слово. – Томск: ТГУ, 1991. – 271 с.
15. Соколов, О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка / О. М. Соколов. – М.: РУДН, 1997. – 203 с.
16. Табаченко, Л. В. Глаголы достояти и достоити в истории русского языка / Л. В. Табаченко // Русская историческая лексикология и лексикография. – Л.: ЛГУ, 2008. – С. 117 – 186. – Вып. 7.
17. Табаченко, Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка / Л. В. Табаченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 336 с.
18. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 400 с.

Словари

19. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. – Т. 2: Л-П. – 1802 ст.

Информация об авторах:

Дементьянова Анна Михайловна – аспирантка кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 8-904-966-4958, anna-d78@mail.ru.

Dementyanova Anna Mikhailovna – post-graduate student at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 8-906-925-0151, nlebedevab@yandex.ru.

Lebedeva Natalia Borisovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.